

И. О. Мазирка, Г. Т. Хухуни

ПЕРЕВОДИМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Рассматриваются некоторые вопросы, связанные с понятием развития языка. Отмечается, что к числу критериев, определяющих его уровень, традиционно относили и возможность передавать тексты (как специальные, так и художественные), созданные на других языках. Анализируются высказывания по данной проблеме отечественных и зарубежных авторов, делается вывод, что способность того или иного языка осуществлять указанную функцию зависит в первую очередь от факторов не собственно лингвистического, а экстралингвистического характера. Вместе с тем немаловажное значение имеет и субъективный момент, связанный с компетенцией переводчиков.

The present paper deals with some aspects connected with the notion of language development. It is mentioned that among the criteria, defining its level, the possibility of rendering foreign texts (both literal and special) is often used. In connection with this problem some views of Russian and foreign authors are analyzed. It is postulated that the possibility of any given language to function as a target language depends mainly not on the factors of pure linguistic but rather extralinguistic character. The subjective moment (the competence of translators) plays an important role as well.

Ключевые слова: язык, перевод, переводимость, развитие, экстралингвистический, термин.

Key words: language, translation, translatability, development, extralinguistic, term.

Среди того набора цитат классиков марксизма, опираясь на которые надлежало строить «официальную» советскую науку о языке, можно найти и такое изречение: «Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и составляет их различие» [10]. Каких-либо конкретных указаний на то, в чем же все-таки состоит упомянутое «различие от этого общего и всеобщего», процитированное высказывание не содержало (поскольку его автор и не ставил подобной задачи), поэтому «стоящие на позициях марксизма» (а иных среди *советских* ученых быть не могло) авторы часто трактовали его по-другому. Так, Р. А. Будагов утверждал, что «не все языки в одинаковой степени способны передать все ясно и просто» [3, с. 226]. У Л. С. Бархударова обосновывается обратный тезис: «Нужно развеять... сомнение касательно возможности полной и адекватной передачи значений, выражаемых на одном языке, средствами другого языка. Источником этого сомнения является взгляд, а правильное сказать, предрассудок, согласно которому существуют языки "развитые", "цивилизованные" и языки "неразвитые", "первобытные", "отсталые"... С этой точки зрения, до сих пор бытующей в обывательских кругах, аргументы... в пользу переводимости, имеют силу лишь по отношению к "развитым" языкам, но не относятся к языкам "первобытным" или "неразвитым", поскольку эти последние, в силу своей "примитивности", неспособны выражать все те значения, которые могут быть выражены при помощи "развитых", "цивилизованных" языков. Нужно со всей решительностью заявить, что указанная точка зрения во всех отношениях абсолютно несостоятельна. Ее политическая несостоятельность очевидна в свете марксистско-ленинского учения о равноправии языков...» [1, с. 18]. (В итоге сторонникам этого взгляда-«предрассудка» адресовался упрек в том, что их позиция сводится «к подмене расизма биологического расизмом социологическим» [1, с. 23].)

Если оставить в стороне «идеологическую составляющую» данного спора (участниками которого были отнюдь не только процитированные авторы), то можно вспомнить, что связь между уровнем развития языка и его способностью воспроизводить то, что было высказано на другом языке, пытались установить достаточно давно, причем подходили к этой проблеме с двух точек зрения. С одной стороны, сами переводы понимались как своего рода средство такого развития (например, относящееся еще к XVI столетию высказывание Э. Доле о том, что, «перелагая с языка более развитого на язык менее развитой, переводчик обязан постоянно стремиться развивать последний» [2, с. 259; 13, с. 70–75]). С другой стороны, способность того или иного языка к точному воспроизведению иноязычных текстов считалась одним из свидетельств его развитости. Так, Г. В. Лейбниц отмечал, что перевод представляет собой своеобразный «пробный камень», позволяющий определить изобилие или бедность языка, на который он осуществляется, и утверждавшего, что «наиболее богатым и удобным» будет тот язык, который наилучшим образом способен следовать за оригиналом «по пятам» [19, с. 25; 18, с. 21].

В рамках статьи не будем останавливаться на позициях других авторов, а отметим, что в рассматриваемой проблеме выделяются два основных вопроса: 1) имеет ли «теория переводимости» всеобщий характер или

же применительно к конкретным языкам требует определенных оговорок; 2) зависит ли возможность адекватной передачи исходного текста от соотносительного уровня развития первичного и вторичного языков?

Вероятно, при анализе данной проблемы (как и многих других) целесообразно вспомнить знаменитое сосюрвовское разграничение синхронии и диахронии и уточнить, идет ли речь о *статическом аспекте* (конкретный перевод, осуществляемый в определенный отрезок времени) или же рассматривается *динамика процесса* (переводы в различные эпохи). Иными словами, следует учитывать принципиальное различие между *потенциальными возможностями* языка и их *реализацией* в тот или иной период его существования. При этом, естественно, необходимо оговориться, что в каждый конкретный момент *развитость* языка — понятие в определенном смысле несколько относительное [7].

Ограничимся одним примером из весьма недавнего прошлого. Вряд ли кому-либо придет в голову усомниться в том, что в XX столетии русский язык не только относился к числу наиболее высокоразвитых, но и — сошлемся на свидетельство известного американского ученого — представлял собой «один из ведущих языков мира», который «по своему социальному и политическому значению... уступает только английскому языку» [5, с. 458]. И тем не менее когда после известных событий, связанных с распадом СССР и «переходом на рыночную экономику», началась интенсивная (хотя далеко не всегда доброкачественная) работа по переводу соответствующей «рыночной» (в прямом и переносном смысле) литературы, то возник своего рода «терминологический голод». В устной и письменной речи стали мелькать *мерчендайзеры, дистрибьюторы, ризлторы, аутосорсинги* и прочие лексические единицы, значение которых на первых порах не слишком хорошо понимали (а зачастую не понимали вообще), даже те, кто вроде бы владел соответствующим языком-источником. Разумеется, не было и нет недостатка в упреках (часто вполне справедливых) по поводу «засорения» русского языка чуждыми элементами, вызывающими его «порчу», в ряде случаев «заимствование становится почти единственным способом называния явлений, возникших за границей», вследствие чего «гордый наш язык» почти утрачивает *внутренние механизмы перевода* [8, с. 69]. В связи с этим отмечалось, что «мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а скорее заимствуем их вместе с соответствующими словами, то есть живем в условиях трансляции чужой культуры» [8, с. 81].

Применительно к интересующей нас области, однако, приходится принимать во внимание то обстоятельство, что, независимо от оценки результатов указанного процесса, «трансляция чужой культуры» сама по себе как раз и является обязанностью переводчика. То, какие именно образцы последней «транслируются», определяется чаще всего не столько субъективным желанием переводчика, сколько потребностью рынка, тем более в условиях «стихийно-рыночной» экономики, формировавшейся в рассматриваемый период. А вот вопрос о том, *каким образом* осуществлялась данная деятельность, имеет уже прямое отношение к теме настоящей статьи.

Обычно — и в большинстве случаев вполне правомерно — приведенные выше и многочисленные подобные им примеры принято объ-

яснять субъективным моментом, связанным с квалификацией (или, точнее, отсутствием таковой) тех, кто занимался переводами. В этом отношении к ситуации на рубеже прошлого и нынешнего века парадоксальным образом оказались вполне применимы слова, сказанные в свое время основоположником отечественного переводоведения А. В. Фёдоровым о том, что имело место столетием раньше — на грани XIX — XX вв. «Падало качество переводов: они все чаще приобретали ремесленный характер. <...> Существовал взгляд на перевод... как на дело более или менее легкое, не ответственное и не требующее особых данных, кроме общего знания иностранного языка. Поэтому переводы часто поручались людям случайным, с недостаточным знанием языка подлинника или русского языка, или и того и другого вместе» [17, с. 62, 64].

Однако простая ссылка на переводческую безграмотность (поскольку речь идет именно об упомянутой выше области) вряд ли отвечает требованиям научной объективности. Если принимать тезис об общественном характере языка, то, вероятно, логично будет признать, что последний оказался в таком же отношении к новым понятиям и терминам, как пользовавшийся им общественный коллектив к стоявшим за ними явлениям и процессам. Конечно, пресловутая «политэкономия капитализма» была обязательным предметом во всех высших учебных заведениях Советского Союза, независимо от их профиля. Однако использовавшаяся лексика и фразеология, хорошо подходившая для критики во время экзаменационных ответов «капиталистического способа производства», была явно недостаточной для очень многих вещей с ним связанных, когда они из некоей (к тому же чуждой) абстракции пришли в повседневную реальность. И здесь волей-неволей переводчикам приходилось как-то (и далеко не всегда удачно) выходить из положения. Понятно, что ни о какой «недостаточной развитости» русского языка в связи с упомянутыми затруднениями говорить не приходится. «Переводимость» как таковая (или возникающие проблемы) в данном случае явно имеет не лингвистическую, а *экстралингвистическую* природу и зависит прежде всего от тех условий общественной жизни, в которых функционирует язык. *Лингвистический* же ее аспект (то есть использование тех или иных средств для межъязыковой передачи) действительно требует учета ресурсов языка перевода, его традиций, соблюдения определенной речевой культуры, но это, скорее, относится не к уровню развития языка, а к соответствующей компетенции в области *переводческой техники*. Можно сослаться и на те процессы, которые происходили в русском языке тремя столетиями ранее — в Петровскую и послепетровскую эпоху. Так называемая европеизация (в какой-то мере аналог нынешней глобализации) тоже привела к необходимости осваивать и обозначать явления, ни тогдашнему языку, ни тогдашним русским людям в большинстве своем неизвестные. Причем речь шла — в отличие от перестроечных и постперестроечных лет — не о той или иной отдельной терминосистеме, а фактически о научно-техническом функциональном стиле в целом. Достаточно вспомнить замечание выдающегося историка С. М. Соловьёва о «страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки» [16, с. 529]. Выдающийся деятель отечественной культуры А. Д. Кантемир даже прикладывал к своим переводам примечания с толкованием достаточно большого ко-

личества иностранных слов, «которые... принужден был употребить, своих равносильных не имея» [15, с. 30]. Предлагавшиеся его современниками и продолжателями «эквиваленты» часто вызывают лишь улыбку. Иностранцами дипломатами сочинялись на сей счет анекдоты типа истории о некоем переводчике Волкове, которому задали «огромную работу», а именно переводить *Le Jardinage de Quintiny*: «Хотя Волков был человек очень способный, но все-таки этот труд был ему не по силам: в сочинении на каждом шагу попадались французские технические выражения, совершенно не известные в русском языке. Отчаяние овладело переводчиком, и он, перерезав себе артерию, прекратил таким образом жизнь» [12, с. 226]. Даже сам М. В. Ломоносов признавался в том, что он нередко «принужден был искать слов для наименования некоторых физических инструментов и натуральных вещей, которые... сперва покажутся несколько странно...» [15, с. 50]. Но ему отнюдь не приходила в голову мысль о каком-либо «отставании» русского языка от «наиболее развитых», в том числе и в данной сфере. Напротив, ученый утверждал: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И если чего точно изобразить не можем, то не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем» [9, с. 392].

На первый взгляд между двумя приведенными высказываниями имеется некоторое противоречие: если для всего язык уже имеет «пристойные и вещь выражающие речи», то почему самому автору пришлось «искать слов для наименования»? Однако думается, что в данном случае М. В. Ломоносов как раз и имел в виду отмеченный выше момент: *потенциально* отечественный язык всеми необходимыми ресурсами действительно обладает; «своему в нем искусству» надлежит воплотить эту потенцию в *реальность*.

Разумеется, можно предположить, что для конкретной ситуации середины XVIII столетия подобная оценка была в некоторой степени преждевременной и обусловлена не только и не столько объективно-лингвистическим, сколько субъективно-патриотическим соображением. Вспомним, что значительно позднее А. С. Пушкин утверждал, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует» [14, с. 259]. Великий русский ученый оказался полностью прав — уже к середине XIX в. перевод трудов зарубежных ученых (равно как и создание своих) в языковом отношении мог осуществляться вполне на «европейском» уровне.

Добавим к сказанному, что оправдалась и вторая часть приведенного выше высказывания — о «своем в нем искусстве». Большинство авторов, занимавшихся «созданием» терминов, естественно, надеялись на то, что результаты их деятельности в дальнейшем закрепятся в языке. Об этом в равной степени говорили и А. Д. Кантемир («...мне столь большая надежда основана, что те введенные мною новые слова и речения не противятся сродству языка русского, и... со временем оные новизны, может быть, так присвоены будут народу, что никакого толку требовать не будут» [15, с. 30]), и В. К. Третьяковский, вообще стремившийся обосновать предлагавшиеся им варианты ссылками на церковнославянскую традицию

(«...онины термины подтверждаются все книгами нашими церковными, из которых я онины взял» [4]), и многие другие. Да и М. В. Ломоносов, несмотря на вышеприведенные его слова о том, что вводимые им термины «сперва покажутся несколько странны», осуществлял свою деятельность, «надеясь, что они со временем чрез употребление знакомее будут» [15, с. 50]. Примечательно, что и в данном случае он ссылается на уже имевшийся исторический опыт, приводя, если можно так выразиться, «диахронно-лингвокультурологическую» аргументацию: «С греческого языка имеем мы великое множество слов русских и славенских, которые для переводу книг сперва за нужду были приняты, а после в такое пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском языке родились... При сем нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако онины чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно» [15, с. 49]. Однако если предлагавшиеся В. К. Тредиаковским «эквиваленты» типа *безместие* для *absurdité*, *недействие* для *inertie*, *предверженная вещь* для *object* способны сейчас вызвать лишь улыбку, то созданные Ломоносовым «кислород», «водород», «созвездие» действительно воспринимаются нами так, будто бы они изначально «родились в российском языке». Поскольку, как отмечал в свое время Г. О. Винокур, принципиально пути обеспечения переводимости иноязычных терминов были у деятелей отечественной культуры XVIII столетия, в общем, одинаковы («более удачливые преемники Кантемира и Тредиаковского... в существенных чертах следовали их методу в освоении западноевропейской терминологии на русской почве» [4]), постольку, вероятно, тут не последнюю роль сыграло именно «довольное в языке искусстве» Ломоносова.

Таким образом, возвращаясь к основной теме предлагаемой статьи, отметим следующее. Можно согласиться с постулатом, согласно которому «принципиально переводимость существует, когда речь идет о народах, стоящих приблизительно на одном уровне культуры, научно-технического развития... когда перевод полностью возможен» [11, с. 167] (с оговоркой, что даже подобный экстралингвистический по своему характеру аспект не исключает тех или иных сложностей, помимо чисто лингвистических, вызванных различием языков). Однако абсолютизировать указанный момент, как показывает исторический опыт, вряд ли целесообразно. В этом смысле представляется правомерным утверждение В. фон Гумбольдта: «Опыт перевода с различных языков, а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения показывают, что, пусть даже с различной точностью, каждая мысль может быть выражена в любом языке» [6, с. 315].

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
2. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

3. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 2004.
4. Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il3/il320512.htm> (дата обращения: 05.12.2012).
5. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. Иванова И. С. Языковые средства характеристики внутреннего мира героев в произведениях Джейн Остин и их передача на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. Сер. «Лингвистика». № 6. С. 58–62
8. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
9. Ломоносов М. В. Избранная проза. М., 1980.
10. Маркс К. К критике политической экономии. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Krit/index.html> (дата обращения: 31.11.2012).
11. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
12. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия.
13. Приказчинова Е. В. Перевод: подходы к интерпретации понятия и обоснованность существования категории переводной множественности // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. Сер. «Лингвистика». № 6. С. 70–75.
14. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1964. Т. 7.
15. Русские писатели о переводе / под ред. Ю. Д. Левина, А. Ф. Фёдорова. Л., 1960.
16. Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
17. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
18. Klopfer R. Die Theorie der literarischen Übersetzung. München, 1967.
19. Sdun W. Probleme und Theorien des Übersetzens. München, 1967.

Об авторах

Ирина Олеговна Мазирка — д-р филол. наук, проф., Московский государственный областной университет.

E-mail: mazirka_den@mail.ru

Георгий Тейиуразович Хухуни — д-р филол. наук, проф., Московский государственный областной университет.

E-mail: khukhuni@mail.ru

About the author

Irina Mazirka — Prof., Moscow State Regional University, Moscow.

E-mail: mazirka_den@mail.ru

Georgy Khukhuni — Prof., Moscow State Regional University, Moscow.

E-mail: khukhuni@mail.ru